

Н. С. ЛЕСКОВ

Деспотизм либералов¹

«Если ты не с нами, так ты подлец!» По мнению автора статьи «Учиться или не учиться»², это лозунг нынешних русских либералов. Мы совершенно согласны с автором, что приведенная фраза есть действительно лозунг наших либералов. «Если ты не с нами, так ты подлец!» Держась такого принципа, наши либералы предписывают русскому обществу разом отречься от всего, во что оно верило и что срослось с его природой. Отвергайте авторитеты, не стремитесь к никаким идеалам, не имейте никакой религии (кроме тетрадок Фейербаха и Бюхнера)³, не стесняйтесь никакими нравственными обязательствами, смейтесь над браком, над симпатиями, над духовной чистотой, а не то вы «подлец»! Если вы обидитесь, что вас назовут подлецом, ну, так вдобавок вы еще «тупоумный глупец и дрянной пошляк».

При таких-то воззрениях в наше время слагаются репутации многих или почти всех общественных деятелей. Мы не хотим касаться репутации лиц, действующих в сфере правительственной, а скажем только кое-что о *репутации нынешних литераторов в обществе и в своем литературном кружке*.

Общество и кружок смотрят на литератора разными глазами. Общество уверено, что литературный круг есть круг самый свобододолюбивый, самый либеральный. Одни очень почитают литераторов и охотно раскупают их фотографические карточки, а другие считают их опаснейшими людьми и не только не покупают их карточек, но не могут равнодушно слышать никакого намека о литературе. Всякий литератор, по понятиям сих последних, якобинец и санкюлот, а русский литератор сверх того

еще непременно пьяница и невежда. Людей, хранящих такое мнение о русских литераторах, конечно, не стоило бы и вспоминать, но мы вспомнили их для того, чтобы показать, что почитатели литературы точно так же, как ее враги и ненавистники всей пишущей братии, совершенно сходятся в том, что все литераторы — либералы. Несмотря на различные точки зрения тех и других, понятия их о либерализме совершенно тождественны. В нашем суетном и неразвитом обществе самые святые слова получают нередко совершенно превратные значения, и это особенно ярко заметно в понятии об эмансипации, о либерализме и о либералах. У людей, смотрящих на жизнь трезвыми глазами, либерален тот, кто готов, не щадя собственных интересов, до последнего истощения сил стоять за законную независимость каждого гражданина и за свободу каждого действия, не нарушающего блага и спокойствия общества. У людей невежественных или дурно воспитанных и не понимающих ни причин человеческих стремлений, ни явлений, вызываемых анархией и деспотизмом, в какой бы форме они ни проявлялись, либерал есть враг существующего порядка. Тревожные и дурно воспитанные люди не понимают, что можно быть *сop amoge*⁴, врагом всякого существующего порядка и не быть либералом, то есть не чувствовать в себе способности, не щадя своих интересов, стоять до последнего истощения сил за законную независимость каждого гражданина и за свободу каждого действия, не нарушающего блага и спокойствия общественного. Они, кажется, даже не понимают, что неаполитанские разбойники хотя и враги существующего порядка, но их нельзя назвать либералами, а король Виктор-Эммануил⁵, лорд Шевтесбюри⁶ и наш покойный Мордвинов⁷ — либералы во всем значении этого слова. Но нередко общество в деле определения личных качеств писателя бывает гораздо дальновиднее литературного кружка. Честность или благородство тех, кого оно знает, у него определяются совсем иначе. Например, допустим, что общество знает двух литераторов: один князь, человек не без дарований, но и не без средств, живет то в аристократической квартире, на Английской что ли набережной, то в казенном доме, хоть у Михайловского театра. Князь — человек вполне деликатный и добрый, человек, готовый помочь всем и каждому, не разбирая ни политических, ни иных убеждений того, кто нуждается в его помощи. В числе

литературных рабочих очень много людей, обязанных князю деликатною поддержкою в самые крутые минуты, и ни в одном *литературном воспоминании* нет материалов для очернения личности этого князя. Что же? Общество скажет, что князь NN прекрасный человек, и общество будет право! Другой литератор, человек с большими дарованиями, в каждой странице своей прозы, в каждой строфе своих стихов плачет хамелеоном над бедностью и пролетариатом и держит лакея, который с холопским высокомерием встречает бедного литератора и не допускает его видеть светлых очей проповедника абсолютного равенства и гуманнейших начал⁸. А гуманист, задыхающийся от забот, чтобы у всех было всего поровну, и ухом не ведет, что литературному рабочему нужно было видеть его, а не его соболью шубу. Тут начинается ходьба, и бедняга труженик узнает, что от слова до дела очень далеко, а общество, поглядев на эту процедуру, говорит: *ваш либерал не добрый и не благородный человек!* В литературном же кружке этого не скажут, потому что не смеют сказать правды тому, у кого чувствуют силу, для этого нужны независимость и свобода мнения, а их нет у наших литераторов и либералов, не умеющих уважать в человеке человека, а не его фразы и не его плебейское происхождение, которым теперь гораздо удобнее гордиться, чем графскою или княжескою кровью. Общество труднее обманывается подобными вещами и судит людей по делам их, зная хорошо, что иное унижение бывает паче гордости. Но мы уже сказали, что наше общество до сих пор мало знакомо с *направлением* и с жизнью русских литераторов и считает их всех зауряд почти одинаковыми либералами. Исключение составляет г. Аскоченский⁹, как присяжный защитник тьмы и застоя.

В литературном кружке, где почти все более или менее знают один другого, далеко не все пользуются репутациею людей либеральных. Одним здесь говорят или дают чувствовать, что «если вы не с нами, так вы...»; другим «и вы не с нами, так вы тупоумные глупцы и дрянные пошляки»; либералами же называются только те, которые сами называют людей, поступающих *по своим убеждениям*, тупоумными глупцами и дрянными пошляками. *Тупоумными глупцами и дрянными пошляками* они называют честных людей, которые не верят в пользу форсированных движений и признают незаконным навязывать обще-

ству обязательства делать то, чего оно не хочет делать, потому что, вероятно, еще неспособное кое-чего делать.

Подлецами чествуются те, кто не отвергает человеческого права в лицах, не благоприятствующим видам либералов, кто чтит право всякого свободного убеждения и не оправдывает гнусных мер для достижения великих целей *уравнения всех во всех отношениях*, не исключая и имущественного. Тех же, которые позволяют себе хоть слегка опровергать в печати эти мнения, при случае называют и *доношиками*. Вот как слагается в наши дни репутация литераторов и даже целых редакций в русском литературном мире!

Что же значат слова: *подлец, глупец и пошляк* на языке этого почтенного кружка? Есть ли между нашими литераторами *люди, торгующие своими убеждениями* или избалованные в преступлениях, отвергающих человека от честного сообщества? Кто же они, эти люди? Зачем же терпеть их?.. Пересматривая внимательно составы всех известных нам редакций, припоминая все вероподобные и вовсе невероятные толки о постоянных литературных рабочих, мы не можем встретить ни в одном неофициальном журнале или газете *ни одного человека*, который откуда-нибудь получал бы что-нибудь за направление, в котором он проводит свое учение. Обстоятельства позволяют нам говорить откровенно. Одна меньшая часть меньшинства действует по своим личным убеждениям, имея целью свободу права личного и неприкосновенность интересов общих; другая часть меньшинства (несколько большая) сознательно стремится к подчинению свободы личной деспотизму утопической теории о полнейшем равенстве дурака с гением, развратного лентяя с честным тружеником. Прелесть этого идеального блаженства при существовании такой милой теории и совершенное отсутствие познаний, которые не допускают человека стоять за химеру (*если у него нет задних мыслей*), увлекают все молодое, все пылкое, все враждебное рутине и жаждущее реформы, с которой пойдет новая жизнь, откроется новое широкое поле. Это большинство. У них нет задних мыслей и нет сторонних, нечистых побуждений. Нечистых побуждений, вроде тех, которыми были движимы французские литераторы известного направления, мы у себя, слава Богу, пока еще не знаем и не смеем подзревать способности к нему ни за одним из представителей

нашей современной литературы. Сокровенные надежды (если они есть) могут быть только или у той крошечной части литературы, которая стоит за право личной свободы, или у людей, руководящих увлечением большинства. Такие надежды в головах литераторов, стоящих за право личной свободы и уважения к законам, религии и нравам — невозможны. Люди этого направления очень хорошо знают, что история всегда повторяется, ибо человечество больше или меньше везде одно и то же, а везде, где оно переживало тот фазис развития, в который вступила Россия с освобождением крепостных людей, ему в такую пору не по силам было внимать искреннему призыву к любви, терпимости, просвещению и порядку. Везде в такие эпохи у общества развивались другие симпатии, которым более приятен лживый язык проповедников крайних, а не прямое слово людей, знающих настоящий тон бубен, славных *только за горами*.

Людям, которыми недовольны крайние либералы, нечего ждать и из других сфер, ибо и в этих сферах ими недовольны, и недовольны очень искренно. За ними только одно сочувствие горсти истинных друзей свободы и сознание собственной правоты перед святой идеей свободы, отвергающей и деспотизм одного лица, и деспотизм масс. У людей этого направления не может быть никаких своекорыстных расчетов, им не на кого и не на что надеяться в нынешнем обществе, и они могут полагаться только на то, на что полагался наш благодушный Государь, подписывая увековечивший его имя манифест 19-го февраля, то есть *на здравый смысл нашего народа*. Между тем представители сказанного направления в литературном кружке слынут за людей нелиберальных, «тупоумных глупцов и дрянных пошляков»!..

Литературная полемика так давно испытывает терпение русских читателей, что уж пора наконец не обинуясь то сказать, что давно хочется сказать и от чего мы, в свою очередь, «долго удерживались».

Мы уже слышали, что во всей русской литературе, держащейся двух главных направлений, из которых во главе самого распространенного стоит «Современник», а второе вначале имело своим представителем «Русский вестник», мы не знаем ни одного органа, даже ни одного сотрудника, который торгует своими убеждениями, и потому часто слышащиеся слова: «он

честный литератор» или «он...» не имеют никакого основания. Может быть, одни действуют искреннее других, что весьма натурально находится в прямой зависимости от основательности взятых принципов; но людей, пишущих по каким-нибудь корыстным расчетам, низводящим писателя на ступень публичного лжеца и подкупленного клеветника, мы не знаем в современной русской литературе, а если есть у нас такие люди, то их следует обличить. Но маразм всех людей несогласного с большинством направления за то только, что они не симпатизируют смешным штучкам и не увлекаются утопиями, — нечестно, и такая постановка в глазах всякого здравомыслящего человека ставит порицаемого выше порицателей. Живя преимущественно в своем довольно тесно очерченном кружке, наши журналисты упускают из вида публику, для которой они пишут, и тем в одно и то же время свидетельствуют и о собственной бестактности, и о своем неуважении к обществу, об интересах которого они столько печалются. Если бы журналы прислушивались к общественному мнению, которое они должны выражать, то, может быть, многие убедились бы, что самое распространенное в русской журналистике направление не есть направление общества, и сознались бы, что навязывать его обществу значит деспотствовать над его развитием. А еще столько толков о предоставлении нации самобытного развития!.. Где же цель-то? Ведь это все слова и слова, а на деле всякий, «кто не с нами, тот подлец»! Это предоставление *самобытного развития*? Это свобода мысли и совести? Это либерализм? Нет, это насилие французских монтаньяров, это грубое невежество русских раскольников поморского согласия, замирающих от злобы, что им «повольготнело, да и белокриницкие подняли носы», тогда как им хотелось только одним поднять носы. Ведь это явление современное, и между раскольниками и между литераторами вырастает как раз одно и то же отношение, в которое стало большинство либеральных писателей теоретического направления к писателям, желающим порядков, дающих счастье народу, а не вручающим ничьей головы в руки невежественных инстинктов слепой массы или маленьких демагогов, в которых лежат зародыши великих деспотов.

У нас честность литератора еще часто определяется опасностью его тенденций. «У нас любят похвастаться: каким-де

я опасным делом занимаюсь», — заметил как-то «Русский вестник», и заметил очень справедливо: у нас смерть любят этим похвастаться. Оно и в самом деле очень эффектно. Но что пользы, спрашиваем, во многих опасных занятиях? Что от них выигрывает или может выиграть общество? Ведь и фальшивую монету делать операция очень опасная, но что же за заслуга в этом деле? И крестьянам очень опасно разъяснять значение библейского бытописания; даже не при дедах наших был случай, когда один, покойный уже, передовой человек испытал на себе опасность такого разъяснения; но что же мы можем питать к таким людям кроме сожаления о их несообразительности и незнании жизни? Истинный либерализм не нуждается в подобных мерах и своею верною, открытою и честною дорогою дойдет до своей задачи — до возведения общества на ту степень развития, при котором немислим ни открытый деспотизм, ни волки в овечьей шкуре.

Еще один упрек слышится от литераторов литераторам. У кого-нибудь ясно сквозит мысль, которая по цензурным правилам не должна быть сказана, а сказана только между строк, благодаря ловкому замаскированию ее. Другой, возражая на эту мысль, разовьет ее несколько пояснее. «Батюшки! — закричат. — Донос делают!» Кому, какой донос? Неужели же те, к кому мог бы адресоваться донос, так близоруки, что за формою не видят существа мысли? Был ли хоть один случай в истории современной русской прессы, чтобы по поводу спорной статьи началось какое-нибудь преследование лица, написавшего статью, возбудившую спор? Если что бывало, то не вследствие литературного спора, а прежде, чем он мог начаться. Из-за чего же лишать общество возможности знакомиться с воззрениями писателей различных направлений? Из-за чего лишать нашу страну разностороннего обсуждения каждого касающегося ее вопроса? Не понимаем этого маневра, а что это маневр — в том мы нимало не сомневаемся. Будем еще более откровенны: нам довелось слышать несколько замечаний, что мы нападаем на один журнал в то время, когда ему и без того нездоровится. Упрек этот мы в свое время сочли совершенно неосновательным и не отвечали на него, но теперь к слову о том, как легкомысленно и недостойно литераторы одного направления обращаются с репутацией литераторов другого направления, скажем слово

и на этот упрек. Мы поставили себе правилом не обременять нашей газеты полемикою, смысл которой вполне доступен только литературному кружку, понимающему всякий литературный полунамек и недомолвку. Поэтому мы никогда не нападаем ни на один журнал, но у нас есть один журнал, с стремлениями которого мы положительно не согласны, и мы этого нимало не скрываем; журнал этот есть «Современник». Мы уважаем талантливых сотрудников этого издания, но не разделяем их убеждений. Что ж тут худого? Чем мы кого оскорбили? Ведь «Современник» и вся большая половина литературы, которая идет под его знаменем, не согласны же с нашими убеждениями и поступают с нами так бесцеремонно, как никогда не поступали с человеческою мыслью никакие деспоты; мы же против этого не вопием! А кто из нас имел бы в настоящее время более права жаловаться на свое положение, про то мы знаем. Но мы никогда не станем жаловаться ни на какие толки и перетолки, распускаемые досужими людьми, и не отступим от своего знамени ни на шаг, ни на волос! Мы знаем, что дело, безопасное сегодня, может завтра быть очень опасным, и опасное сегодня, завтра очень безопасно; но при каких бы обстоятельствах ни пришлось нам делать свое дело, мы будем делать его в духе наших убеждений до тех пор, пока можем его делать *в духе своих убеждений*, не называя никого ни «тупоумными», ни «дрянными пошляками», и не склонимся к либерализму, имеющему своими лозунгом: «Если ты не с нами, так ты подлец!»

Мы чтим в коноводах наших литературных противников их искренность и никогда не относимся к ней с тою легкостью, с которою непозволительно, по нашим понятиям, оуждать чужое убеждение, не опровергая его доводами. Мы готовы верить, что во главе несогласного с нами литературного кружка стоят люди, убежденные в правоте своего учения, но не допускаем такого убеждения в других поборниках этого учения: ибо для того, чтобы отвергать что-нибудь разумно, нужно хорошо знать отвергаемое, а этого знания мы, грешные люди, не видим, а чего не видим, в то и не верим. Все те, с чьими строками постоянно знакомы читатели «Северной пчелы», связаны единством своих убеждений и готовы спокойно встречать все нарекания, которыми угодно их честить вблизи и издали. Мы сказали не обинуясь и наши воззрения, и наши верования, и наш пароль

и лозунг. Нам нечего стыдиться и ни у кого нечего заискивать: *это не в духе нашего либерализма*, и мы пойдем своею дорожкой, не обращая внимания ни на кого, а тем менее на людей, не умеющих уважать свободу мысли и независимость взгляда. Нашими оппонентами могут быть только те, кто умеет спорить, не ругаясь, а нашими врагами — враги свободы и спокойствия наших сограждан. Нам дела нет, у кого в каком состоянии здоровье после того, когда он напишет то или другое. Мы возражаем на мысль, и справляться о здоровье нам некогда, да мы и не думаем, чтобы кому-нибудь уж очень нездоровилось. А если бы и действительно кому нездоровилось, то чем же мы этому причинны? Мы всем желаем самого цветущего здоровья и никому кукельвану не подмешиваем, а благо страны, по нашим понятиям, требует отклика на всякую мысль, с которою мы не согласны. «Современник» и «Искра» тоже, кажется, этого убеждения, ибо они не справлялись о здоровье Н. И. Пирогова и Политико-экономического комитета, существовавшего при Географическом обществе, когда и Пирогову, и комитету было не по себе¹⁰... Да и наконец, ведь не мы же в самом деле хотим чьей-нибудь лихой болести! Но не со всеми же нам соглашаться! Ну, например, если какой-нибудь мальчик напечатает какой-нибудь преполезный, по его ребяческому разуму, смешной и бессильный ультиматум, а кто-нибудь сочтет эту гиль опасною, и оттого положение сочинителя сделается действительно опасным, то неужели нам сочувствовать и ребяческим бредням только потому, что они изданы при опасных обстоятельствах? Ведь это было бы смешно, и наши читатели могли бы усомниться в здоровом состоянии нашего мозга! Кто же из мало-мальски смыслящих людей поверит в силу каких-нибудь клочков, например, хоть той подпольной прессы, произведения которой преследуются полицией и легко могут сделаться причиною несчастий для своих производителей? Наше сердце обливается кровью, когда мы подумаем о семейных катастрофах, которые могут быть внесены в семьи энтузиастов, идущих с завязанными глазами к пропасти и не замечающих, что они *одни* идут к ней, а ближние и искренние стоят одалече... и из всего этого никому никакой пользы. Мы уверены, что неразумными увлечениями их руководят не корыстные побуждения, не черные страсти, и оттого большим грехом против своей совести считаем не просить тех,

кто имеет уши, да слышат нашу мольбу о спасении этих энтузиастов, увлеченных прелестью *опасных занятий*. Мы просим всех и каждого сообщить тем, кто способен увлекаться прелестью этих занятий, что общество, приемлющее с улыбкой праздного любопытства плоды «опасных занятий», смотрит на все опасное производство как на моду, как на фатовство. В прежнее время, говорят, люди известного сорта выражали свою удаль в том, что, постучав вечером в васисдас немецкого булочника, обрызгивали отворившую васисдас германскую персону из клистирной трубки, а нынче тот же разбор любителей небезопасных развлечений шутит другим образом — вот и все!

Мы не хотим видеть ничьей гибели и особенно гибели напрасной, бесполезной для общества, а потому смело обращаемся с нашей просьбой подумать, «стоит ли игра свеч», и смело встретим листок, в котором нас меряют на тысячи, и только об одном просим наше правительство: человеколюбиво взглянуть на порывы увлечения энтузиастов и не надевать на шалунов венца мученического, способствующего новым увлечениям, а прессе даровать права, исключаяющие возможность называть несогласное с кем-нибудь мнение *доносом* или официозностью, от которой мы оправданы теми же честными устами, которые произнесли это обвинение. Мы просим также наших собратий, способных ставить интересы общества выше своих личных интересов, измерять заслуги издания не цифрой подписчиков, а степенью доверия к ним общества и пользой, которую они могут принести России, чтобы в нашей молодой литературе умер дух нетерпимости. Различие направлений в литературе — дело самое естественное, и оно выражает ее жизнь. Около 30-ти лет вся русская журналистика была одного направления, и было очень скверно. Теперь начинается партийность, выходят способные люди того и другого направления: дайте же им выговориться! Кто ошибается и кто прав — «толкач муку покажет», но измените лозунг, дающий *право* обществу, которое вы поучаете гражданским добродетелям, засмеяться вам в глаза и сказать: *врачу!* исцелился сам! А потеряв кредит в обществе, подумайте: кому вы его отдадите? — злу и неправде, с которыми сражались, «и будет последняя вещь горче первой». Между всеми нами нет ни одного человека, заподозрить неподкупность которого по литературной его деятельности было бы какое-нибудь основа-

ние; недостойно же нас ради острого словца, ради лозунга «кто не с нами, тот подлец», марать нашу честную семью намеками и обвинениями, в которые нимало не верят те, кто их произносит, а те, кому еще лучше известна неподкупность литературы, смеются *над ее бестактностью*.

Мы, не поклонники «Современника», очень помним его выражение, что «у нас в литературе все хотят счастья русскому народу», и желаем, чтобы эта праведная мысль жила в сердце каждого русского журналиста и изгнала из него вражду за мнения, а лучше *будемте спорить о том, что не бесспорно*, и если мы люди честные (в чем мы не хотим сомневаться), то неправый согласится с правым, жертвуя личным самолюбием пользам русского общества. Если же мы не способны это сделать, то мы фразеры, и голос наш будет гласом вопиющего в пустыне, и народная тропа не пройдет к могиле, в которой русская литература схоронит свою могучую опору: *общественное уважение!*..